

СМЫСЛОВЫЕ МОДИФИКАЦИИ КОНЦЕПТА «СОВЕСТЬ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Язык – народ: слово – его душа. «Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако, история его тесно связана», - писал в 1821 году В.К. Кюхельбекер [Цит. по: 2, с. 183]. Нравственное состояние сегодняшнего общества с беспощадной точностью отражается в нашем языке.

Процессы, которые происходят сейчас в русском языке, лингвисты называют «третьей варваризацией» [2, с. 183-184]. Проявляется она в широком распространении как в разговорной, так и в литературной речи жаргонизмов, сквернословия, грубой брани, ненормативной лексики, интенсивном заимствовании чужеродных слов.

Однако особую тревогу вызывает не засорение родной речи словами-паразитами, а изменение смыслового наполнения слов, выхолащивание их глубинного смысла. И эти изменения напрямую связаны с процессом десакрализации языка. Особенно это касается понятий, связанных с духовной и этической сферой, таких как любовь, добро, совесть. В данной работе нами предпринята попытка проследить смысловые изменения, происходившие на протяжении русской истории с таким важным духовно-этическим понятием как совесть.

Категория совести является одной из центральных в этике. В русском же сознании концепт «совесть» есть занимает особое место, т.к. ему принадлежит главная роль в становлении морального сознания русского народа. Недаром русскую культуру называют культурой совести.

Славяно-древнерусское слово *совесть* сохранилось в записях начиная с XI века. Оно является точным отражением – «калькой» - греческого слова *συνείδησις*, состоящего из приставки *συν-* «со-» и существительного *εἶδησις* – «(по)знание», - от глагола *εἶδω* – «видеть, созерцать, познавать». А так как кальки возникают обычно

книжным путем: являются делом рук переводчиков, то можно предположить, что до переводов в славянском языке этого слова не существовало.

Понятие *совесть*, появившееся в Новом Завете для обозначения способности нравственного суждения, вместе с Евангелием было широко распространено в странах христианской культуры, в том числе и на Руси. В те времена круг значений слова *совесть* был значительно шире, чем в современном языке. Так, например, в некоторых случаях в библейских текстах Ветхого и Нового Заветов греческое слово *συνείδησις*, переданное в славянском тексте как *совесть*, на современный русский язык переводится не так, как обычно: мысли, помышления, сознание [См. Еккл., 10:20; 1 Петр. 2:19; Евр. 10:2]. Словари древнерусского языка Срезневского И.И. и Черных П.Я. приводят следующие значения понятия *совесть*: «разумение» (в частности разумение воли Божией о должных и недолжных действиях), «понимание», «знание», «согласие», «указание», «совесть» [См. 6, 679-680; 7, 184]. Кроме того, слово *совесть* могло иметь значение «чистота, верность».

Помимо греческого *ἡ συνείδησις* и его синонима *τό συνείδός*, словом *совесть* часто переводили и такие слова, как *έννοια* (мысль, мышление, понимание), *διάνοια* (разум, смысл), *γνώμη* (рассудок, мнение). След былой смысловой широты слова *совесть* можно обнаружить и в «Словаре Академии Российской» 1789 г., где наряду с обычным для нас значением – «врожденная души наша сила или способность судить нравственную доброту или худобу наших деяний» - дано и иное: «помышление, сокровенное о ком мнение».

Сердцевиной же понятия, общей для всех определений совести, является отношение человека к Добру, а, в конечном счете, к Богу как Абсолютному Добру.

С наступлением XIX века ряд значений слова *совесть* решительно сократился, ограничившись лишь одним основным, нравственным. Приведем несколько словарных определений первой половины XIX века. «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г.: *совесть* – «внутреннее сознание нравственного качества наших действий». Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля: «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутренне сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи

и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития».

Здесь необходимо отметить одно важное явление: в этих двух толкованиях совесть определяется уже с помощью слова *сознание* (*сознание* качества действий, *сознание* добра и зла), которое обретя самостоятельность и современный смысл лишь во второй четверти XIX века, отняло часть значений у совести. Более того последняя стала лишь частным случаем сознания (нравственным). Некогда одним из значений слова совесть было что-то вроде мышления, сознания. Но эта сторона понятия не была так разработана, как нравственная. Теперь же освещенными и дифференцированными оказались именно владения сознания, а оставшееся у совести съезжилось, сделалось расплывчатым, туманным, укрытым дымкой иррациональности.

В русском языке, в отличие от других, существует возможность образования от слова *совесть* предикатива *совестно*. Как и в любом русском безличном предложении с категорией состояния, фразы типа *Ему стало совестно* передают процесс нравственного выбора как идущий от некоей непознанной сверхъестественной силы, в конечном счете – от Бога. Таким образом, русское слово *совестно* наглядно демонстрирует, что процесс пробуждения совести иррационален, управляется не человеком, а Богом. В русском сознании совестью человек наделяется свыше, муки совести также идут от Бога. Весьма показательна в этом отношении русская пословица «Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука», в которой душа противопоставляется телу, а средством и залогом (*порукой*) их гармоничных отношений является совесть, которая выводится как за пределы тела, так и за пределы души.

Стоит отметить, что употребление этого предикатива в XIX веке и на протяжении значительной части XX века было значительно шире, чем сейчас. Это контексты, где в современном языке мы бы употребили слова *стыдно*, *неудобно* или глагол *стесняться*. Например, «при нем мне было бы *совестно* плакать» (Л. Толстой), «Егорушке было *совестно* раздеваться при старухе» (Чехов), «Через несколько минут вошел Толстой и сказал, что Соллогуб стоит в лакейской и что ему *совестно* войти» (Аксаков).

Как видим, начиная с XI по XX век, область употребления слов *совесть* и *совестно* постепенно сужается. Основной же смысл этих понятий сколько-нибудь суще-

ственно не изменился. Но в XX веке – на это стоит обратить внимание, – его очень постарались изменить. Согласно прежнему представлению, совесть – врожденное свойство человеческой личности. А «Философский словарь» под ред. М. М. Розенталя и П.Ф. Юдина дает следующую формулировку: «Совесть – не врожденное качество, она определяется положением человека в обществе, условиями его жизни, воспитанием и т.п.» и является «ответной реакцией на требования общества» [5, 363]. Подобную же трактовку находим в словаре по этике под ред. О.Г. Дробницкого и И.С. Кона и в его переиздании под редакцией Гусейнова А.А. и Кона И.С.: «Совесть – это субъективное осознание личностью своего долга и ответственности перед обществом» [4, 289; 9, 321].

Совесть подчас может оказаться неожиданно сильным препятствием для решения различных грандиозных задач, осуществляемых «во имя светлого будущего». Большевистские философы явно старались это препятствие убрать путем коллективизации совести, то есть перенесения моральной ответственности на коллектив. «Не отягощай свою душу колебаниями, хорошо это или дурно, за тебя думает и отвечает Икс» – вот этический принцип коллективизации совести. Эта этическая переменная может замещаться партией, классом, нацией, вождем, в зависимости от требований времени и ситуации.

В современных словарях в определении совести уже не ставится такой акцент на ответственности личности перед обществом, однако понимание совести как автономной «способности личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности» осталось, вытеснив собой сакральное чувство ответственности перед чем-то высшим и вечным.

Кроме того, настораживает и тот факт, что понятие совести исчезло из многих современных философских словарей [См. 9, 10, 11]. Так, например, в «Современном философском словаре» под общей редакцией профессора В.Е. Кемерова, авторы которого в аннотации утверждают, что данное издание – собрание дефиниций, определяющих тот общий язык, на котором в наше время обсуждаются важнейшие человеческие вопросы, понятие совести отсутствует.

В нынешнее время ценности информационно-потребительского общества вступают в противоречие с традиционными духовными ценностями, охраняемыми ме-

ханизмом совести. Традиционная совесть начинает восприниматься как консервативный механизм, не только мешающий достижению прагматических жизненных целей, удовлетворению дефицитарных потребностей, но и тормозящий самоактуализацию гуманистической личности. Ведь согласно современной гуманистической позиции, объективные основания морали и нравственности отсутствуют. Постмодернистская трактовка совести отвергает всеобъемлющую природу, отрицает ее универсальность. Совесть теряет право решающего голоса в ситуациях нравственного выбора и в конечном итоге исчезает.

Таким образом, рассматривая понятие совести в контексте русской лингвокультуры, мы приходим к выводу, что изменение содержательного плана языка происходит в теснейшей связи с историей мировоззрения, культуры, общественного строя по внеязыковым причинам, параллельно с изменением жизни и духовной культуры народа. Процесс наступления на совесть при смене мировоззрения постепенно приводит к тому, что совесть стала исчезать не только из нашей речи, но и из нашей жизни.

Список литературы:

1. Зализняк А.А. О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 101-118.
2. Ирзабеков Василий (Фазиль). Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. – М.: Даниловский благовестник, 2007. – 200 с.
3. Прохоров Г.М. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...» Древняя Русь как историко-культурный феномен. – СПб.: изд-во Олега Абышко, 2010. – 320 с.
4. Словарь по этике / Под ред. О.Г. Дробницкого и И.С. Кона. – 2-е изд. – М., 1970. – 387 с.
5. Философский словарь. – 2-е изд. – М., 1968. – С. 363.
6. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка по письменным памятникам. – М., 1958.
7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – Т. 2. – М., 1993.
8. Словарь по этике / Под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. – 6-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
9. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
10. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
11. Современный философский словарь / Под общей ред. д.ф.н. профессора В.Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 864 с.

Понятие совесть, являющееся ключевым для русского сознания, за последние два столетия претерпело значительные смысловые изменения. Данная статья представляет собой попытку проследить этот процесс в русском языке и выявить его причины.

The concept conscience which is the key for Russian consciousness has experienced considerable semantic changes for the last two centuries. This article is an attempt to trace down this process in the Russian language and define its reasons.

Ключевые слова: совесть, нравственность, русский язык, русская культура
conscience, morality, Russian culture, Russian